

• Памятники Тверской провинции

КОНАКОВУ

Город Конаково не всегда носил это название, изначально это был поселок Кузнецово, а современное имя он приобрел только в 1930 году в честь отважного революционера по имени Порфирий Петрович Конаков.

Порфирий родился в 1878 году в деревне Анциферово Богородского уезда (теперь это Ногинский район Московской области). В возрасте 12 лет окончил четырехлетний курс учебы в начальной школе и пошел работать в цех знаменитой Тверской фарфоро-фаянсовой фабрики. Проработав на заводе 5 лет, Конаков был уволен, так как уже тогда начал затевать революционные перемены и проводить агитационные митинги среди рабочих.

Потом уехал в Ригу. Там он продолжал свою революционную деятельность. В 1905 году был арестован и выслан в село Кузнецово. Здесь он принимал активное участие в работе одного марксистского кружка и организовывал стачки на бывшем месте работы (фаянсовой фабрике).

В июле 1906 года, Конаков стал одним из организаторов вооруженного восстания солдат и матросов гарнизона Кронштадта. Под его личным руководством проходил захват форта «Константин». После неудачной попытки захвата был арестован, а 7-го августа этого же 1906 года, был приговорен к расстрелу.

Памятник П. П. Конакову был установлен на привокзальной площади города в 1982 году.

«РАССТАВЛЕНЫ ВЕХИ

НЕ МНОЮ...»

* * *

Вершин не достичь.
Но всё же, в своём строю
Не с самого краешка я до сих
пор стою.
И выпало мне черпать из
природных сил
Всё то, что каждый из вас – хоть
раз! –
Для себя просил.

Смогу ли постичь:
Зачем это всё дано?
Расставлены вехи не мною, и
так давно.
Но верю я всё же, к вершинам
стремясь порой,
Что в жизни играю свою – не
чужую! –
Роль.

* * *

Чёрным хлебом накрою стопку.
Кто-то скажет: «Да он не
пил...»
И стою у стола неловко,
А убрать не хватает сил...
Жизнь всего лишь большая
ссуда,
Чтоб отсрочить последний путь.
Кто способен явить мне чудо:
Мир обратно перевернуть
Водкой, хлебом, крестом,
молитвой,
Бога, чёрта, судьбу кляня?!
.....

К одиночеству не привыкнуть
В эти три невозможных дня.
(окончание на стр. 2).

стр. 1

Любовь СТАРШИНОВА,

г. Тверь

Родилась в 1976 году в городе Кимры Тверской области. Выпускница филологического факультета Тверского государственного университета. Автор трёх книг стихов «Двенадцать стихотворений», «Моя двадцатая весна», «Стоит жить». Печаталась в местной прессе, в общероссийских литературных журналах, в том числе таких как «Юность», «Дон», «Форум», «Северо-Муйские огни», «Невский альманах» и др.; в сборниках и альманахах поэзии различных регионов страны и ближнего Зарубежья (Нижний Новгород, Саратов, Сергиев Посад, Псков, Минск, Донецк и др.); творчество представлено на многих интернет-порталах, в том числе «Российский писатель», журнал «Москва», журнал для писателей «Муза» и др.

Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов и фестивалей, в том числе всероссийских и международных: «Славянская лира» (поэзия 2017 год, проза 2018 год), «Конкурс к 100-летию Николая Тряпкина» (2018 год), «Словенское поле» (2017 год), ФАП «Норд Вест» (2016 год) и др. Член Союза писателей России.

(начало на стр. 1).

ПСКОВСКАЯ СОЛОДЁЖНЯ

А там был бал! Дышали жарко
печи,

Гулял по шумным залам
маскарад.

Радужен был хозяин в этот
вечер.

Лишь век назад... И – жизнь
одну назад.

В Застенье, у тюремного
острога,

Хранившая припасы и дары,
Седая Солодёжня с верой в

бога
Несёт свой крест до нынешней
поры.

Обрушено крыльцо. Ступени
рваны.

«Вратарница» над входом не
видна.

Растёт бурьян. Бродяги бьют
стаканы

О пол кирпичный... Мрачен
свод окна.

Но солнца луч заглянет на
закате,

И вспомнится – привидится!
– пустяк:

Мелькнёт в дверном проёме
чъё-то платье:

Осколок жизни – белый
известняк.

* * *

«Но как мне трудно без тебя, Ассоль,
Под алыми скитаться парусами»
Евгений Сигарёв

...И пусть уже не та Ассоль
Приходит к морю пред закатом,
Но также резко ранит боль
Невозвращения фрегата.

Привычно тих изгиб волны,
Не потревоженный кормом...

Но почему-то верим мы –
Мечты сбываются у моря.

* * *

Памяти
Анатолия Устьянцева

Если вдруг меня не станет,
Вы мои цветы полейте:
Им ещё на белом свете
Очень хочется расти...

Если вдруг меня не станет,
Покормите птиц зимою:
Ведь они ещё не знают,
Что напрасно ждут меня...

Если вдруг меня не станет,
Вы мои откройте книги:
Мне во тьме светлее будет
От белеющих страниц...

Если вдруг меня не станет –
Вы останьтесь!
И собою
Согревайте чъё-то сердце,
Чью-то душу,
Чей-то мир...

* * *

На Вашем балконе, девятом с
краю,

Сохнут опять пелёнки.
Ты улётел, а я и не знаю,
Как там твои девчонки.

Родиной новой ты всё
исправил?

Или пришла расплата,
Что за двоих тут меня оставил
Самою виноватой.

Всё забываю. Не каждую ночь
Снятся глаза и губы.
Мне говорили, что третью дочь
Назвал ты нескромно – Любой.

Сложатся в новый узор года.
Время, как прежде, лечит.
Сохнут пелёнки. А я никогда
Тёзку свою не встречу.

МЕЛОДИЯ-ЗИМА

Кто-то зачерпнул и снова –
вывернул

Целый ковш снежинок
рассыпных!

Словно на мою улыбку
выменял,

Разложил на тёплой шапке их.

Не пурга, не вьюга, не
метелица –

Лишь один отчаянный аккорд!
Но звучит – мелодия-безделица,
Настроенье тянет на рекорд!

Я стою усыпанная блёстками,
Мне сейчас завидуют дома.
Где же, за какими

перекрёстками
Ждёт меня мелодия-зима?

* * *

Александр Софронову

Бородатые люди в дыму костра
Напевают что-то себе под нос.

Почему рядом с вами так жизнь
проста

И не хочется верить, что всё
всерьёз?

Почему рядом с вами так чист
рассвет?..

И пускай на сердце один минор,
Песня летняя льётся сто тысяч
лет.

А окажется – вечер всего
прошёл...

* * *

Пока ещё взаимных нет
упрёков,

И я тебе милей при свете дня,
В словах не слышно будничных
намёков –

Люби меня.
Пока ещё не строим планов
вечных,

И чашка кофе горячей огня,
Пока душа игрива и беспечна –
Люби меня.

Пока ещё в твою улыбку верю,
И если причиняю боль не я,
И каждое прощанье, как потеря, –
Люби меня.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь)-№22 (февраль);

Письмо двенадцатое

ЗНАЕШЬ, как зайду я на нашу ферму, так и расстроюсь надолго. Смотришь на все это и не знаешь, что и думать. Хотя, если идти от частного к общему, аналогий масса. 10 лет назад здесь все жило, двигалось, стояло накормленное стадо, сновали трактора, машины, лесовозы, шла энергичная жизнь. Сейчас все мертво. Несколько пьяных, полуголодное стадо в 50 голов (все, что осталось от 750), заросшие, мертвые поля, разруха. Что же произошло? Все было и ничего не стало! Можно обвинять всех и вся, очень многие приложили руку к этому развалу. Кого ни спроси, в поисках виноватого, все тут же обвинят правительство, директора, соседа, только не себя.

«Природа не делает скачков», старая истина. Значит, надо вглядеться в корни событий, которые привели ко всем этим «перекройкам», в результате которых произошло резкое обогащение одних и обнищание других.

Секретарям парткомов и прочим главарям надоело есть черную икру под одеялом, это понятно, и они придумали т.н. «демократию», при которой «Большое ограбление поезда» (был такой немой американский фильм) будет выглядеть, как естественное явление, а все бу-

Письма сельского почтальона

дут говорить, что «голый король» прекрасно одет. Для этого крикунам и зазывалам на площадях надо чуть побольше заплатить. Ведь был же анекдот при Горбачеве: «Что такое «перестройка» — это гавкать разрешили и цепь подлиннее сделали». И вот уже 10 лет нас со всех углов убеждают, что то, что произошло, правильно, закономерно, что это шаг вперед к свободе и демократии, и прочему развитию. Но народная мудрость говорит: «Сколько не кричи: «Халва, халва!», — сладко во рту не будет».

Так вернемся к нашим «баранам». Был совхоз, было все: техника, стадо, хороший директор. И развал был совершен у всех на глазах, вполне «демократично» на общем собрании. Приехало начальство и, «объяснив» народу, предложило совхоз аннулировать, а всем разойтись на крестьянские хозяйства. Вот тут лежит весь механизм, не идея, а механизм. Если бы народ, работники совхоза, были спаянным коллективом, единым организмом, была бы гробовая тишина, а начальство уехало бы ни с чем — «демократия»... До поры до времени, конечно, ибо «против лома нет приема», вспомним референдум о развале СССР. Народ сказал нет! Но «зубры» собрались в Беловежской пуще и плевать им на народ, что и было всегда, во все времена. Народ — это сейчас толпа, масса, народонаселение, это не народ у которого есть Вера, Отечество, Национальность, Минин с Пожарским и Гермоген.

Так вот «совхозный» народ не встал на защиту того, что имел и остался ни с чем. Факты — упрямая вещь. Говорить можно все что угодно, а факты говорят: «было — все, осталось — ничего». Это факт. И почему же? Давай копать глубже к корням.

«Своя рубашка ближе к телу» — вот на это и сделали ставку громилы конца XX века, и на то, что и Гитлер делал ставку «русские долго запрягают...», надо быстро все успеть пока народ не очнулся. И главное быстро, под это, переделать все законы в стране. Ибо если народ шевельнется, то «поминай как звали».

Это я все по аналогии отвлекаюсь. Так вот сейчас на «пепелище» все равно те, кто хотел и умел работать, а не пропивать все, в том числе и Родину, работают и зарабатывают себе на жизнь. Правда тут есть тоже «узкое место». Убери лес и с земли не проживешь. С голода не умрешь, но и не разгуляешься. Теперь давай посмотрим, что собирает народ и страну в «кулак». Помнишь, как крестьянин собрал сыновей перед смертью и дал всем по пруту и преложил сломать, что они и сделали. А потом сказал, чтобы они попробовали весь венник сломать. Не тут то было. Вот он им и завещал, что если хотят хорошо жить, чтобы были вместе. А по одному их легко переломают. Так и народ. А что же предлагают нам в виде реформ. Только одно во всем. Полное разделение. Страна, армия, здравоохранение, социальная сфера, образование. Кругом одно — разделяй и властвуй!

Могут деньги, материальные блага и прочие объединить людей? Ни-ког-да! Вместе собирает только идея или страх. Один собирает семью, колхоз, завод, страну... Это упрямые факты. Какие бы не приписывали аргументы, какие бы не принимались в расчет факты, есть два ответа на все вопросы: Да? Да! Нет? Нет! Страна развалена и открыта для

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

расхищения в угоду западным капиталам. Да? – или нет? Дана за это высочайшая мировая премия – Нобелевская? Да? – или нет? И никакой демагогии. Да? – или нет?

Причем не забудь, что меня каждый раз убеждают, что строится «светлое будущее», что в 1917, что сейчас, при этом строительстве все прорабы и их близкие живут припеваючи. Я думаю, что тот поезд, под который собирался лечь один из «президентов», еще не собирали в вагоностроительном депо. «Смотри! Вот новые!», – скажут тебе. Не верь, было уже сказано в Библии. Были и Владимир Ясное солнышко, что собирал Русь, были и князья из «большого гнезда» (КПСС), что растащили ее на княжества и начали междоусобицу. Все было и ничего нового не будет. Жаль, все это всегда на костях народа... Прости!.. Обнимаю!

Твой Д.В.А. июнь 2003

Письмо тринадцатое

Человек постоянно оставляет свой след на земле. Каждую минуту. Пером ли на бумаге, лыжами ли на снегу, топором ли на березе. Куда бы мы ни бросили взгляд, кругом следы, следы. Следы человека в Божьем мире.

Мир этот находится в абсолютной гармонии, и даже когда мы видим ее нарушение – это заблуждение. Та борьба за выживание, что происходит в животном-растительном мире, имеет свой баланс. Животное насыщается. Человек – никогда! Его не устраивает «насушенный хлеб», ему надо много, много больше. Из-за этого в Божьем мире постоянно нарушается, разрушается, расстраивается та гармония, которая имеет понятие совершенства.

Возьми меру – никогда! Особенно в том, что даром. Вот у нас валят лес. Что же творит человек, который дорвался до дармового куска? Беспредел. Крутятся треле-

вочники, трещит лес и все живое под гусеницами сучковозов, вытаскивается деловая древесина, а сотни кубов валяются вокруг. Сломано, недопилено, свалено пьяным водителем и оставлено в канаве.

Ушел – и остается побоище. «О, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?..» Лес кричит и стонет, и никто этого не слышит. Идут не аккуратные и взаимные отношения с природой, а хапанье. Другим словом не назовешь. Сколько тысяч и тысяч кубометров загубленного леса валяется, оставленных в лесу человеческим зверем.

Людей на земле не стало больше, а леса дай больше. Куда? Еще 50 лет назад пилили выборочно, вытаскивали лошадьми, выкорчевывали пни, сжигали сучки. Наверное, потому, что отцы и деды еще помнили батоги барские, хозяйские на спине за неаккуратность и нехозяйственность. И голод – учитель. Ведь на картинку какого-нибудь живописца «Лесорубы» можно взглянуть двояко. С одной точки зрения: «Праздник труда, мощь огромная в руках современного человека, план выполняется, довольные лица, лозунги социализма на заднем плане, довольство сытной жизни, мощь человека покоряющего природу». А если отойти от лозунгов и планов – картина гигантского истребления родной, вырастившей тебя природы, разбазаривания Родины.

И чтобы все это не останавливалось, наука изобрела теории, преподала их в институтах, внедрила в сознание, что все, что делается не на погибель, а правильно и во благо. И попробуй теперь убедить лесохозяев, инженеров, лесничих, что они грабят родную природу. На тебя посмотрят как на маленького или, если сочтут нужным, как дошкольнику объяснят, что валить лес надо, это полезно ему (лесу) и нам, людям, что это правильно делается и наука это доказала! Да и вообще, а как же иначе, лес надо прореживать и т. д.

А я сколько лет хожу по лесу и столетних-то елей уже почти нет. И объяснять это, скажем начальнику

участка, бесполезно. А зачем ему, столетние; у него в голове вместе с опилками одни кубометры, план, зарплата и прочее. Он давно уже забыл, что значит любить лес, реку, Родину, каждую елочку, каждый грибочек, каждую птичку. А лес кричит, стонет от боли и ужаса, как когда-то рыдали и плакали люди под ужасом татарского нашествия, когда орда со свистом и гиканьем врбалась в села и деревни, сметая все на своем пути. Ограбив, уничтожив все, что под руку попадется, орда уходит, оставляя современные делянки. А кругом сплошной прогресс и следом за ним тянется кровавый, с грязью, след уничтоженного животного и растительного мира, а, следовательно, в конечном итоге и человеческого.

На флаге Ливана кедр. Почему? Наверное, кедр – национальный символ. Палестина во времена Ветхого Завета, вся была покрыта кедровыми лесами, виноградниками, земля давала два урожая зерновых в год и т. д. Но потом люди начали беспощадно вырубать леса и строить дворцы и переводить природу на роскошь. И что сейчас Палестина, земля обетованная с молочными реками, где, как считают историки, и был рай, из которого Господь изгнал наших предков? Где кедровые леса Ливана – пустыня!!! В Европе за порубку дерева Людовики отрубали голову. И монастыри, и здания строили из камня и на стропила просили у короля разрешение на рубку нужного леса. Но даже это не спасло лесов Европы от уничтожения. Вообще официально на Земле вырубается 50 га леса в минуту!!! 50 в 1 минуту – вот скорость, с которой уничтожаются легкие планеты. И зачем? Для производства огромного количества бумаги, в том числе на которой плодятся сплетни и информация, опровергающая одна другую?

Была бы моя власть, как говорят иногда наши бабульки, бегая в поисках дров... Они не могут, живя в лесу, заготовить и приобрести

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

дрова. На них ласково смотрят сытые физиономии работников леса и предлагают... 120-150 рублей за кубометр, а кто привезет? Это надо еще заплатить, это уже разговор с транспортом. И смотрит она своими, непонятно от чего слезящимися глазами, на стоящий рядом лес и... Была бы моя власть, я бы начинал учебу лесников с изучения Евангелия, а затем – Пришвина, Солоухина, Паустовского. В первую очередь поселил бы в их сознании любовь к людям, любовь к родному исчезающему лесу, к природе. Но, главное, к людям, к ближнему своему. Вот где дорога к светлому будущему.

P.S. Дорога есть, приезжайте на рыбалку. Привези газеты, а то я не знаю, что пишу, может все не то и не так... Обнимаю.

Твой Д. В. А. июнь 2003

Письмо четырнадцатое

Возвращаюсь опять к нашей Сачихе. Каждый день я слышу от нее одно и то же: «Дим, письма нету? ...Ну, значит, что-то случилось... А когда каникулы?» Это она ждет вестей от дочери, которая живет в Калязине, работает в школе учительницей. Месяцами дочь не пишет, а мать исходит беспокойством. Ведь больше никого нет у восьмидесятилетней старушки. Надо очень хорошо представить себе, вдуматься в эту хроническую проблему «отцов и детей». Детям некогда. Детям всегда некогда. Некогда делать главное, но при этом всегда находится время на всякую муть и суету. Телевизор, чтение газет, пустые разговоры...

Да и чего писать? – говорим мы сами себе. – Нечего писать... А сидеть и выжимать из себя... Да и потом: все одно и то же. А что событие для нас, то не интересно нашим матерям. Они мало что понимают в политике, общественной и профессиональной жизни... Так к старшему поколению при наличии детей и другой родни приходит одиночество, так рвутся человеческие связи

и люди становятся чужими... И на похороны нанимают «штатных» плакальщиц.

Что же происходит? Мне кажется, что люди, уходя от основных вопросов жизни, обрекают себя на неминуемую беду. О чем никак нельзя забывать?

Научная организация труда учит людей выделять основное дело каждого часа, дня, месяца, года. Составлять верно задачи, правильным путем идти к намеченной цели... Но почему же люди не учатся жить? Мы постигаем цифры, буквы, таблицы, теоремы, параллели, меридианы... что угодно. Только не учимся жить. А ведь это главная наука, без которой сыплется и валится все. В нашей шкале ценностей зачастую все перепутано. Системы воспитания зависят от очередной комбинации в головах чиновников, от социального устройства общества. Живем, как временщики... А все самое главное в жизни любого человека должно быть определено с первого шага, уяснено раз и навсегда.

Что же главное? – Все, что не имеет никаких, как теперь говорят, альтернатив. Есть Земля – мир животных, растений, воздух, вода, без которых невозможно существование. «Есть ли жизнь на Марсе или нет – науке это неизвестно», – а мне на это наплевать. А вот если я останусь без воды и чистого воздуха, тогда – проблема. Есть Родина, место, где я родился, где осуществилась моя связь с Землей... И есть самое близкое мне существо – мать. А еще?

И мы задаем себе вопрос: а могли я не родиться по тем или иным обстоятельствам? – Да! Мог! Но тогда, кто призвал меня в этот мир? Это надо очень хорошо понять. Почувствовать. Иначе всю жизнь проведешь в «Королевстве кривых зеркал» и никогда не обретишь

внутреннюю свободу. Кто? Кому я обязан? Можем ли мы в поисках ответа на этот вопрос довериться всевозможной болтовне об инстинктах, закономерностях, комбинациях, мутациях, которыми с самого детства засоряют наше сознание? Кто призвал тебя в этот мир? Кто вдохнул в тебя душу? Кто сложил эти буквы в Слово? Подавляющее большинство ученых всегда давали один единственный ответ: Бог!!!

За всем стоит Он, Господь Вседержитель. Верующие называют его Отцом. «Отче наш», Он дал нам свет, воздух, воду, пищу и весь окружающий мир. Дал даром. А Каиново племя тотчас бросилось все хватать – дармовщина! Самое главное, к чему стремится падший человек, – это схватить и продать... а на вырученные деньги предаться порокам... А потом уповать на науку, которая должна лечить от последствий разгула. Но в этот мир Господь призвал человека совсем для другого. Он указал нам путь. Он дал душу, одухотворил. Без души нет жизни.

Мы мало во что вдумываемся, всматриваемся, живем машинально, а наши родители остаются в одиночестве и умирают.

Да, все надо. И это и то. Образование надо получить и на работу устроиться, и детей растить-учить... А назад оглянуться? «И некогда нам оглянуться назад, наши годы летят...» А что нас самих-то ждет

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

впереди? — То же одиночество.

Сколько стариков по деревням все выглядывает на дорогу: не едет ли сын-дочь... Бывает, появятся, быстро-быстро «помогут» с дровами, ремонтом, покосом и скорей обратно к «игорному столу»... Там — главное, из-за чего брошен отчий дом, земля-кормилица, родители. И там, на асфальте, в бетонных сотах, в загазованном воздухе, в хлорированной воде, среди постоянно-привычного шума, в окружении искусственных упаковок люди ищут свое счастье в мире страстей, дурных привычек и ложных идеалов, мечутся сами и тащат за собой своих детей...

Наверное, поэтому сатана и делает ставку на молодежь. Она бежит, ничего не видит, не чувствует под ногами землю. А наука все получает нобелевские премии, развивает, двигает прогресс, оставляя позади себя пепелище и одиночество, пустоту и страдание. Парадокс: мы строим счастье на Земле, общую Европу (и верят же люди в такое) и тут же собираем конгрессы по поводу того, что этот шуршащий упаковками мир вот-вот останется без воды. В Японии, в этой суперсовременной стране люди носят респираторы и, чтобы хоть немного отдышаться, запираются в кабинках-автоматах с чистым воздухом. Все мы в объятиях могучего сатанинского спрута под гипнотизирующим названием «Прогресс».

Но вернемся к моей Сачихе и главным ценностям. Их не так много. Отечество твоё! Вера твоя! Родители твои! Язык твой!

И не смотри на тех, кто ради лучшей жизни бежит в чужие края. Это предатели. Родина одна и надо быть ей верным во все времена. Извини за некоторый сумбур... Ложимся в 3, встаем в 4. Полежали и дальше: огород, рассада, пчелы, сад, дрова, куры-утки...

Твой Д.В.А. июль 2003

Поздравляем!

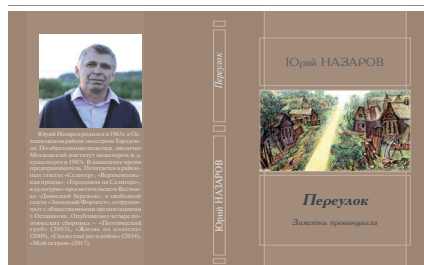
Директору унитарного предприятия «Тверьгосфильмофонд» Ивану Владимировичу Демидову присвоено звание Почетного работника культуры и искусства Тверской области. «Двинский бережок» поздравляет опытного руководителя, поэта, общественного деятеля и своего автора с заслуженной наградой.

Новые книги

Сразу три наших автора выпустили новые книги. В последние декабрьские дни 2018 года вышел стихотворный сборник **Ивана Кирпичева** из Нелидова под названием «**Зачерпну я ладоною туманы**». В коротком предисловии сказано, что «эта книга — прогулка с автором в невообразимые по красоте миры, скрывающиеся в шуме осеннего дождя, в безмолвии снежной пелены, в шорохе падающих листьев».

«**Переулок**» назвал свою книгу, вышедшую в солидном издательстве «Российский писатель», **Юрий Назаров** из Осташкова, а в подзаголовке уточняет: «*Заметки провинциала*». Его стихи о неспешной жизни в родных краях. Точно подмеченные бытовые особенности, свой стиль, свежие незатасканные образы. В этом сборнике автор

попробовал себя и в жанре пародии. На острие его пера наряду с классиками попали и знакомые вам по публикациям в газете «Двинский бережок» Игорь Столяров (Нелидово) и Маргарита Петрова (Андреаполь).

Кстати, Юрий Назаров в январе этого года принят в Союз писателей России.

Новый сборник **Нatalьи Шабановой** (Андреаполь) «**Незаконченный ветром романс**», вышел в январе 2019. В нём «Русь белостоветовная и вольная» во всей красе. Её природа, «деревенька грустиночка», лирические зарисовки, бытовые картинки:

Наши авторы не профессиональные поэты. У каждого есть основное занятие, которым они зарабатывают на хлеб. Иван владеет редким ремеслом, он кузнец, делающий булатные клинки высокого качества. Юрий — хозяин предприятия, изготавливающего корпусную мебель. Наталья — учитель литературы, работает в детском доме. У каждого из них свой авторский почерк, своё лицо. Но есть и общее в их поэзии: она предельно искренна, естественна и не лжива.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Надежда ВЕСЕЛОВА

Родилась в городе Старица Тверской области. Автор трёх сборников стихов: «Простые слова», «Эхо ниоткуда» и «Золотого окна икона», участник более пятидесяти коллективных изданий. Публиковалась в новой антологии поэзии «Форма огня» (2007). Лауреат премии Союза профессиональных литераторов России «Золотая тыква» за книгу «Золотого окна икона». Член Союза писателей России, член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

* * *

Если прошлое подёрнулось льдом,
Смело ставь в судьбе своей
запятую –
Приведи другую женщину в дом,
Не виня себя за новь несвятую.
Если в небыль всё бывшее сплыло,
Не жалей его, оно не утрата.
Так бывает – с перебитым крылом,
А поёт пичуга – небом богата.

А поёт, дурная... знай, свиристит,
Аж до кома в горле, волчьего воя...
Ты не плачь, любимый, Бог вас
простит,
Порастит бильём и снегом укроет.
Прошлогодний снег водой утечёт
И на солнышке в туман
превратится.
И пойдёт меняться нечет на чёт –

Заживёт крыло у раненой птицы.
Всё пройдёт, проходят жизнь и
века...

И услышишь вдруг в такой
круговерти:
Если ты, любимый, был на «пока»,
Я была твоей и буду... до смерти.

ЛЕПЕТ МОЙ СУХ

Сколько прошло отражённых зим
от рождества не моей вселенной...
Лепет мой сух и невыразим –
внеколокольный и многозвенный.
Ложноязычица-златоуст –
воспламеняясь, свистеть сусально
и не сторгать, как известный куст...
предосудимо, и тем – похвально.
Цепью верижки мои гремят,
перетираются зёрна-чётки.
И календарик настольный смят,
будто постыдный листок зачётки
недостудентки-поэтки... нет...
недопоэтки-студентки вечной.
Сколько прошло безответных лет
мимо вселенной, по-детски
млечной...

Александр ОТЛИВАЧНИК

Член литературного объединения «Рассветная звонница», член областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Автор книги стихотворений «Ниша» (Издательство «Три-ада», 2015 г.) Лауреат 3-ей степени XV-ых международных литературных встреч «Каблуковская радуга», дипломант регионального праздника поэзии «Верхневолжские чтения» 2015 г., дипломант регионального фестиваля авторской песни «На Тверце» в номинации «Поэзия» за 2014, 2015 и 2017 гг.

* * *

Одним награды, другим ограды.
Одним букеты, другим венки.
А люди чистым улыбкам рады,
Венкам в оградках придут деньки.

Кому записки, кому приписки.
Кому зарплата, кому откат.
Настанет время для обелисков,
вслед за восходом придёт закат.

Но день, грядущий, неволи пуще,
луна волшебней, рассвет милей...
Прорвётся к солнцу впотьмах
бредущий,
забыв с испуга речей елей.

* * *

Обнять бы тебя за плечи,
что душу палило – вспомнить,
зажечь от лучины свечи
и – в омут!
Собрать, что разбил на части,

бывшее принять как манну,
чтоб сердце наполнить счастьем
желанным.
Уснуть – на плече с тобою,
укрывшись прохладой ночи,
и сдаться судьбе без боя...
Захочешь?

* * *

Тихо гложет неуверенность,
разрывает на куски.
Не оформлена доверенность
на защиту от тоски.
Под наплыв благорадушия
не заточена стрела,
закупорена отдушина,
но душа не умерла.
Снег подталый, серо-мартовский,
замутневших глаз стекло.
Худшее вернулось бартером,
лучшее слезой стекло...

• Литературное краеведение

Владимир Пальчиков

Владимир Алексеевич Пальчиков родился 18 июня 1937 года в селе Владимировка Ставропольского края. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского педагогического института. С 1960 года работал в Сибири учителем Калининской восьмилетней школы Омского района, в 1964 году переехал в Омск — был литературным сотрудником газеты «Молодой сибиряк». С 1969 года жил в Калининне, работал в областной газете «Калининская правда». Запомнился яркими публикациями на темы культуры. С 1980 года в Москве заведовал отделом поэзии журнала «Наш современник». Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей СССР (РФ). Скончался 3 июля 2012 года.

* * *

Стадо барашков
ветром пасомо.
Это Осташков,
лодка у дома.

Он коротаёт
век на отшибе,
толк понимает
в коже и рыбе.

Омуты, мели,
солнце, осока.
Каждый при деле,
в чём-нибудь дока.

стр. 8

« СПЕЛОЙ МАЛИНОЙ ДЫШИТ ПРОТОКА... »

Запах дразнящий
смолокуренья.
Старая в чаще
кличет коренья.

Пёстрые сами,
пёстрые склоки
над островами
носят сороки.

В даях белёсых
знойно и тихо,
заводей, плёсов
неразбериха.

Спелой малиной
дышит протока.
Волок старинный,
переволока.

Рать заплутала -
Ищут поныне,
Знать, запропала
В топи, трясине.

Как светоносны
над Городомлей
стройные сосны
с тяжестью комлей.

Даль без призора,
свет Селигера,
воли, простора,
русская мера.

2010 г.

ЗМЕЙ

Вдруг над берёзой свилеватой
Дохнуло страхом и тоской -
Закрыв собою ползаката,
Змей опускался за рекой.

Как видно, казни и раздоры
Грядут...
Но он на берегу,
На том, гористом, канул в поры -
И тишина. И ни гу-гу.

Не тьмой ли пойман полоротой,
Ломая крылья, в глубь горы

Он рухнул - в мёртвые просторы,
В угрюмые тартарары?

Нет. Затаился. Тень испуга
Стоит у каждого окна.
Оцепеневшая округа
Его присутствием полна.

Срок некий таял, истекая,
Змей ждал, он был не так-то прост.
Чего? Дешпи из Китая?
Схожденья линий, знака звёзд?

Огня не жгли, и по оврагам
Марь сатанела, цвёл осот.
А вечерами пахло гадом,
И жутью веяло с высот.

Был недобор зерна в колосьях,
Горох смущал пустым стручком,
И шерсть на всех загривках песьих
Стояла день и ночь торчком...

2010 г.

* * *

Вернулись. Ужин на столе.
А мать оставили в земле.

Потом и спать легли в тепле.
А мать оставили в земле.

Земля черна. Плохой ночлег.
Шуршит ночной колючий снег.

В глазах остались навсегда
Недоумение и беда.

Беду с годами понимать
Ничуть не проще, чем когда-то.

Спохватишься: а где же мать? -
И осечёшься виновато...

Закат горит. Душа болит.
И лапками всё шевелит,

Как паучок, звезда во мгле.
И стынет ужин на столе.

1979 г.

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

* * *

Прочь вздохи, фигли-мигли,
шуры-муры,
закончился, уже понять пора,
век лампы керосиновой вчера,
ну а сегодня век литературы.

В ходу не клятвы, а договора,
елозя мышкой, клерк выводит
смурый
соотношение веса - кубатуры,
он весь в делах, а прочее - мура.

Душа уходит на вторые роли,
она факультативна, Боже мой,
а без неё возможны ль - ветер в
поле,

художество, высоких мыслей
строй?

Литература не имеет смысла.
Имеет смысл - девиз: «Схватил и
смылся».
2012 г.

* * *

Вот, поднявшись через силу,
Семилетний мужичок
Ледяной водой постылой
Тёплый сон смывает с щёк.

Жизнь, успевшая начаться,
Новобранца призвала,
И приставила начальство,
И назначила дела.

И отныне - ни поблажки,
Ни отлучки никакой.
За плечами - в меру тяжкий
Серый ранец типовой.

...Вот навстречу
Из укрыва
Валит валом на проход
Пообвыкший, молчаливый,
Нескончаемый народ.

Новобранец желторотый
По метелице скупой
Достигает поворота
И сливается с толпой.

СТАРИК И КНИГА

Он снимает её с полки,
поглаживает,
раскрывает (лёгкое потрескивание).
Беззвучно шевеля губами,
прочитывает две-три строчки.
И ставит на место.
Углубляться в неё
ему незачем:
он читал всё.
Даже то, чего не читал.
Даже то, что ещё не написано.
Даже то,
что не будет написано
никогда.

2009 г.

ЖУК

Наташе Алексеевой

Жена кричит:
- Жук, всё шуршишь в прихожей?
Гулять, гулять! С балкона погляжу.
Старик, и впрямь с жуком-копушей
схожий,
ворчливо отзывается:
- Жу-жу.

Таша больные ноги неуклюже,
стучит клюкой по осени сырой.
Последний жук. Ввиду грозящей
стужи,
Все прочие - под камнем, под
корой.

Тихонечко уходит от пригляда,
К соседскому прошлѐндал гаражу.
А там - пустырь, безлюдье. То, что
надо.
- Жук, застегнись! - несется вслед.
- Жу-жу.

Снял плащ и шарф, что комом на
затылке,
да и умчался, выпростав
подкрылки,
куда, от прозы жизни далеки,
Летают только лучшие жуки.
2010 г.

* * *

Под выпуклостью наглого стекла
жизнь протекла. Чужому оку надо
лезть в помышленья наши и дела
и даже сны. Всё требует пригляда!

Ты на свету. Непоправимо гол.
Тебе ни от чего не отпереться.
Что за душой? Выкладывай на
стол.

Дотла, до захудалого секретца...

И вдруг - свобода! Щебет жалюзи.
Из-под окна умчались с криком
дети.

Приди в себя. Обиды залижи.
Так, значит, всё же есть покой на
свете!

Закутавшись в покинутость и
тишь,

как бы в халат, в такой
просторный, старый,
себя от мира спрячешь, утаишь -
не сыщут ни собаки, на радары...

Но Боже мой, летит и рвѣтся дым
об угол. Осторожной, жизнь
угласта!

Там опознание смертью, там
огласка -
Ещё одна, мой бедный нелюдим.
2011 г.

* * *

Не вышло докричаться -
попробуй домолчаться.
Не вышло домолчаться -
знать, так тому и быть...
А что, если не нужно
всё то, чего ты ждѣшь,
и жажда воздаянья
есть суетность и ложь.
Мол, следует награда
за всё - а потому
не криком, так молчаньем,
но я своё возьму.
А может быть, когда-то
не знаем мы, когда -
в окошко Гость заглянет,
высокий как звезда.
Высокий Собеседник
оценит тайный клад,
я вся Его беседа -
один недолгий взгляд.

2010 г.

• Память

«ГДЕ ВЫ, ЛЕЙТЕНАНТ ПУГИН?»

ФЕДОР Степанович Скиба до работы был жаден. В лесу, на заготовках, тянул за целую бригаду. На тракторе в колхозе пахал – никому не угнаться. Вместе с супругой держали на подворье живность, продавая государству ежегодно более 5 тонн молока. Но годы взяли свое. Его натруженные, узловатые руки слегка подрагивали на коленях. Рядом сидела Юлия Семеновна, научившая меня в пятилетнем возрасте читать и писать. Это произошло в пору (1951-й год), когда вместе с Федором Степановичем они жили у нас «на квартире».

Юлия Семеновна наставляла мужа:

– Про бумаги свои расскажи непременно.

Покряхтывая от боли в спине, Скиба принес «бумаги» – ответы из разных ведомств. Неутешительные, прямо скажем: «Данных о пребывании в Германии в годы Великой Отечественной войны гр. Скиба Федора Степановича нет». «В Федеральной службе контрразведки РФ сведений о Вашем участии в антифашистской организации «Буревестник интернационала» не имеется», «Сообщаю, что в связи с передачей Управлением службы безопасности по Сумской области фильтрационных документов в государственный архив Сумской области заявление передано для дальнейшего рассмотрения...»

– Все забыто, ничего нигде не найти. Может, и не ищут толком. Отписки дают, – сумрачно посмотрел на меня Скиба. – Зря я, дурень, в Торгау отдал свое удостоверение старшему лейтенанту Пугину. Эх, зря!

– Судьба играет человеком, Федя, – заметила Юлия Семеновна, более полувека учительствовавшая в сельских школах Андреапольского района.

– Судьба-а, – Скиба встряхнул патлатой головой. – Вот именно, что судьба...

Немцы пришли в деревню Морозовка Сумской области осенью сорок первого года. Затем ковпаковцы на два месяца вышибли их и вернули советскую власть. Федор, как и большинство деревенских мальчишек, вступил в отряд самообороны. Помогали взрослым в сельхозработах. В свободное время несли дежурство. Обучались в подвале колхозного склада стрельбе из винтовки.

– Думали, возьмет нас Ковпак к себе, повоюем, – вспоминал Федор Степанович. – Но скоро партизаны ушли, деревню вновь оккупировали немцы. Я в лозняк забрался, наблюдаю со стороны, что да как. Вдруг слышу, батяня мой плачет, кричит: «Федька! Федька!» Высунулся я из лозняка, тут мадьяр меня хап. Самооборонщиков всех взяли, человек шестьдесят. Правда или нет, но в бывшем штабе партизан осталась планшетка с нашими фамилиями. Дорого обошлось это. Двоих повесили в Камень – Ваню Чечеля, еще одного парня – фамилию я забыл.

Погнали нас в Кролевец, посадили в кутузку, взялись таскать на допросы. Полицаи били, запугивали. «Ну, думаю, спето наше дело». Тут гвалт поднялся – пришли родители толпой, требуют нас выпустить. Повезло, отпустили. Потому, наверное, что Андрей, сын старосты, был с нами. Но ночью полицаи в дверь нашего дома стучат, орут:

«Выходи, Федька!». Пришлось подчиниться, не то дом зажгли бы. Повели нас под бабий вой опять в Кролевец. Дальше – в Конотоп. Оттуда повезли куда-то. Когда дверь вагона открыли, оказалось, что мы в Германии...

Федор Степанович умолк, долго смотрел в окно на тоскливую студенческую улицу.

– В лагере под Дюссельдорфом работали мы на вальцовочном заводе. С чугунок делали ленты. Там я украл ножницы по железу. Когда бомбежка американская шла, разрезал проволоку, убежал. С неделю скитался, голодный, по округе, спал в сараях, развалинах домов, порушенных бомбежкой. Место незнакомое, густонаселенное, вокруг патрули. Сцапали меня. Избили до мяса, но в живых оставили. Попал я в лагерь Блюме, что означает по-русски цветочный. Общались

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

с нами, как со скотом. Коменданта Адольфом звали. Возили на завод в Ремштадт. И вот однажды подходит ко мне Толик, родом вроде бы из Куйбышева. Осторожно разговор заводит: есть, мол, организация молодежи «Буревестник интернационала». Не желаешь ли вступить? Толику я доверял... Вступил я в эту организацию, присягу принял мстить врагу и не продавать товарищей. Фашистов я сильно ненавидел. У меня брат Степан погиб в начале войны на западной границе. Второй в погранвойсках служил на границе с Турцией.

Разбиты мы были для конспирации на тройки. В нашей тройке Толик, я и москвич – Александр Норков или Нырков. Вредили врагу, как могли. Первое задание было – забросить листовки в лагерь военнопленных под Ремштадтом. На русском языке их где-то делали типографским способом: положение на фронте, призывы вредить немцам, верить в нашу скорую победу.

Пробрался я к лагерю, привязал листовки к железке, бросил, что было сил, за проволоку и – деру. Потом еще раз сделал тоже самое. Бесстрашный был. Когда освободили нас американцы, спрашивал я тех пленных, попали к ним листовки или нет. Попали, из рук в руки переходили...

На заводе вредили при любой возможности. Самолеты налетят бомбить, наши или американские – немцы свет везде вырубают, прячутся, а мы свет включаем. О своей жизни не думали... Гестапо ихнее засуетилось, допросы снимало. Меня тоже допрашивали, пугали. Я дуриком прикинулся – ничего, мол, не знаю. Никто из нас друг дружку не выдал. Особенно бесились фрицы, когда мы станки портили. Берешь «мозолек» от сварки, бросаешь незаметно в фрезер, и фрезеру хана. А еще ключи «заваливали», чтобы не годились для работы. Завод в основном на ключах специализировался.

Немцы, правда, разные были.

Всех подряд дегтем мазать нельзя. Пауль, например, был такой. Хороший немец, Гитлера презирал. Сапожничал он. Подхожу: «Пауль ходить не в чем, колодки совсем развалились». «Гут, гут», – улыбается. Сделал ботинки... Догадывался он, что поломка станков – наше дело, но помалкивал. Другой немец мне, можно сказать, жизнь спас. В бомбежку осколком рассадил мне руку, началось заражение крови. Так бы и скочурился я, если бы немецкий врач не проникся жалостью. Расчистил рану, перевязал. Потом меня поляки и греки долго выхаживали. Хотя, конечно, было среди немцев и зверье натуральное. Измывались, как могли, некоторые. У одного паренька, помню, живот заболел. Немцы его разрезали, тряпками замотали и оставили паренька того умирать. «Симулянт», – сказали...

В начале мая сорок пятого освободили нас. Радость была великая, слезы. Толик принес мне удостоверение, что был я членом подпольной организации «Буревестник интернационала», предупредил, чтобы на вокзале садился я в первый состав. Приехали мы в Торгау, в ведение старшего лейтенанта Ивана Даниловича Пугина. Дальше состав вывез нас в Черновцы, в распоряжение капитана Польшвина. Он удостоверение мое, что я отдал Пугину, личное дело, что составил Пугин, забрал и сказал: «Это необходимо для фильтрации». Пока «фильтровали», я в сорок шестом году работал немного на лесозаготовке.

Ничего плохого за мной не обнаружили. Получил я здесь военный билет и уехал в свою Морозовку. Но там у меня не сложилось, так как дом был один на двоих с братом. Как раз письмо пришло от родственника, Максима Харитоновича Володько, уроженца села Камень, что недалеко от Морозовки. Он Андреаполь освобождал в начале сорок второго года, был офицером, командиром артиллерийской батареи. Влюбился там в девушку, женился на ней после войны, да так

и осел в тех краях на всю жизнь. У меня уже образование было – бухгалтер. Курсы я окончил... Но и любой другой работы не боялся. Лесорубом был, киномехаником, трактористом. На Север даже временно подавался за большой деньгой, шахтером работал. Мы с Юлей к тому времени расписались, она в Андреаполе учительствовала в младших классах. Подзаработав деньгу, вернулся я. В Баженове новый дом построили, но оно как-то быстро умерло. Пришлось в Студеницу перебраться. Здесь я себя тоже не жалел... Не в деньгах счастье, говорят. Но и без них худо...

Скиба, закончив рассказ, сидел на табуретке, ссутулившись и глядя в угол просторной избы, где на тумбочке стоял большой бюст человека, чем-то неуловимо на Федора Степановича похожего.

– Кто это?

– А это я. Собственной, так сказать, персоной. Брат мой, скульптор, меня увековечил. Видишь, какой я, а? Как полководец или губернатор, – Федор Степанович улыбнулся и возвратился к тому, о чем болела его душа. – Я вовсе не желаю считать себя каким-то героем. На амбразуры не ходил, танки не подбивал, не стрелял даже по врагу. Не ради этого пишу всюду запросы. А чтобы признание было: боролись мы там, в Германии, как могли, боролись... Эх, отыскался бы Пугин! Оно бы по-другому вышло.

...Нет уже в живых этих скромных тружеников. После кончины Федора Степановича за ослепшей, оглохшей, парализованной Юлией Семеновной ухаживали соседи. Однажды дом загорелся, Юлия Семеновну вынести не успели. Каждый раз, проезжая мимо этого места, я обнажаю свою седую голову.

Валерий Кириллов,

г. Андреаполь

На снимках: Ф.С. Скиба. Начало 2000-х; Ю.С. Скиба. 1952 г.

РОЙ

МУРАВЕЙ

КАК-ТО летом, не спеша брел вдоль лесной дороги к озеру и увидел темную тонкую змейку – колонну крупных рыжих лесных муравьев. Пройдя немного вперед, нашел и голову этой колонны. Стало любопытно, куда же она движется. Через несколько минут все стало ясно – это был набег. Набег на поселение муравьев черных.

Атака была произведена по всем правилам военного искусства – с хода, не останавливаясь. Не давая организовать оборону у входов, рыжие выбивали немногочисленную охрану и проникали внутрь города противника, оборудованного то ли в старом пне, то ли в кочке. Черные сопротивлялись отчаянно: на одного нападающего иногда набрасывалось по двое-трое защитников, но оборона была сломлена. Фактор внезапности решил дело. Рыжие проникли в город. Через некоторое время снаружи показали первые захватчики со своей добычей – яйцами. За ними тянулись черные муравьи. Еще через несколько минут колонна ражих лесных, нагруженная добычей, возвращалась домой. Но, они были не одни – они взяли пленных! Некоторое количество черных муравьев шло с ними.

«Какая организация! Какое взаимодействие! Какой план!», – подумал в тот миг. Действительно, как эти насекомые, с мозгом всего в 250000 клеток, могут совершать действия, требующие разведки, четкой организации, точного расчета?

Эволюционирует ли человек? Кто-то говорит да, кто-то нет. С точки зрения теории Дарвина человек должен эволюционировать, с точки

зрения теологии – нет. Споры идут. Споры идут, потому что изменения в отдельно взятом человеке мало заметны. Но изменения в эволюции человечества – огромны, а это почему-то не хотят замечать. На первый взгляд, человечество не сдвинулось с места со времен допотопных ни в мышлении, ни в производимых действиях. Как-то наткнулся в журнале на древнюю южноамериканскую легенду, объясняющую происхождение каких-то гор. «Вот у кого Шекспир сюжет Ромео и Джульетты спер», – посмеялся тогда.

Действительно, любить, ненавидеть, страдать меньше не стали за прошедшие тысячелетия. А как же ракеты, поезд? Ничего не изменилось в нас, а изменились только средства производства – орудия труда. Как сеяли злаки, так и сеем. Как ловили рыбу, так и ловим. Как убивали друг друга, так и убиваем. Изменились способы, подходы, а не суть наших действий. Серп заменил комбайн, копье – ракета, а цель действий осталась прежней. И жить бы да радоваться с уверенностью в том, что и через тысячу лет мы будем сеять хлеб, строить дома, любить и убивать друг друга. Однако не это возможно нам приготовило далекое будущее.

ПЧЕЛА

Одна пчела – дура душой. Две пчелы – две дуры. Они еще обладают свободой воли, и по желанию могут лететь куда угодно. 15 пчел – уже племя. Начинают появляться общие цели. Свобода воли, варианты поведения, ограничены. 10 000 пчел – семья. Это сложный организм, способный к самостоятельному существованию и решающий сложные задачи на пути к своей цели. О свободе выбора у отдельно

взятой пчелы речь уже не идет. Вся ее цель – участвовать в жизнедеятельности семьи, где жизнь каждой особи подчинена строгим законам. Путь пчелы в семье предопределен – от вспомогательных функций по устройству гнезда вначале, до рабочей пчелы в конце. На этом пути пчела сменит множество «профессий», но судьба ее в улье предreshена. Что-то Спартой повеяло...

ЧЕЛОВЕК

Поначалу он изобрел речь, и это помогло объединиться в племя. Затем он придумал религию, и она объединила несколько племен. Религия изменила поведение. «Мы находимся в таком бедственном положении, что, не будь страха генов, мы, пожалуй, и не подумали бы совершить что-нибудь доброе». *Святитель Иоанн Златоуст*

Изобретение письменности позволило объединить уже государства. Время от времени предпринимаются попытки объединить весь мир. Причиной могут быть амбиции какого-нибудь вождя, но целью все равно является объединение народов в некую единую массу. Не важно, по каким причинам – экономическим, политическим, моральным – цель одна. Объединение заложено в подкорке, и встретившись в пустыне, три путника, подумав и поспорив, скорее всего, пойдут в одну сторону.

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Жесты, звуки, речь, письменность, печатный станок, телефон, телеграф, телевидение, Интернет – все это ведет к объединению отдельных особей в некую массу. Этот ресурс тоже пример некоего объединения по интересам. Не самолеты и паровозы, не материальные богатства цель человечества. Слиться в единую массу, для наиболее эффективного противостояния окружающей среде – вот задача. Будем ли мы при этом приносить мед неизвестному пасечнику – пока непонятно.

Сегодня новость за минуту становится известна миллионам людей. Она в мгновение может изменить поведение огромной массы народа. По сути, идет объединение человечества на информационном уровне, как в пчелиной семье. Флэшмоб - первый признак бездумной отработки бездумного поведения массы людей, ради некой, часто непонятной участникам, цели.

Если объединение цель, то становится виден и дальнейший путь развития. Скоро придем к вживлению приемников информации непосредственно в тело. Сейчас пока источники информации, позволяющие не выпадать из общего информационного поля, внешние. Следующий шаг – передача эмоций и чувств от человека к человеку или сразу массе народа от неких устройств. Нечто вроде эмоциональных кинотеатров. После этого человек перестанет быть отдельно взятой особью. Человечество превратится в рой. Разум, состоящий из множества разумов, по нашим меркам – шиза, по понятиям роя – норма. Разум роя – роевой, а не рой разумов. Пути к рою могут быть и кровавыми, и нет. Так или иначе, мы постепенно объединяемся. Мысли о мировом правительстве появились не от инопланетян. То есть, противостояния государств будут продолжаться пока... Пока не станем одним большим муравейником.

Иван КИРПИЧЕВ,
г. Нелидово

ТРУДЫ РДЕЙСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Вышел из печати очередной, четвертый, выпуск Трудов Государственного природного заповедника «Рдейский». Он посвящен анализу современного состояния бобрового населения в заповедниках Европейской части России, а также влиянию бобров на экосистемы охраняемых природных территорий.

Впервые обобщаются материалы многолетних наблюдений за бобрами, проведенных в 14 заповедниках и 1 национальном парке, в различных регионах европейской части России и различающихся по условиям обитания бобров. Уникальный материал. Он получен благодаря трудам нескольких поколений сотрудников российских заповедных территорий. Примечательно, что на одних территориях бобры обитают уже десятилетия (максимально 85 лет) и имеются многолетние ряды динамики численности (Лапландский, Центрально-Лесной, Приокско-Террасный, Окский, Мордовский, Воронежский, Хоперский заповедники), тогда как на других до сих пор продолжается расселение бобров, и они осваивают все новые места обитания.

Коллектив авторов этой книги попытался создать современный срез наших знаний о бобрах. Здесь есть и уникальные наблюдения за жизнью бобров, но много и обобщений. Они касаются разных сторон жизнедеятельности бобров, в т.ч. типов бобровых местообитаний, характера и стратегий использования территории, строительной деятельности бобров, их жилищ и убежищ, роли в экосистемах, многолетней динамики численности.

Ценен и важен не только сам многолетний ряд численности, важны и причины, объясняющие ее динамику. Поэтому, наряду с продолжением учетов бобров и сохранением преемственности этих исследований, критически важным остается своевременный анализ причин этой динамики. Наличие многолетних рядов данных позволило создать прогноз динамики численности бобров для 9 заповедников. Результаты этого прогноза показывают, что в ближайшем и отдаленном будущем речные бобры сохранятся во всех исследованных заповедниках европейской части России. Однако имеются и угрозы. Одна из них – возможное вселение чужеродного канадского бобра.

Восстановление речного бобра – это очевидный природоохранный успех. Начавшись с территорий заповедников, этот процесс продолжается во многих регионах европейской части России и Сибири. По мере восстановления бобра начали накапливаться и сведения о нем и его экосистемной роли. Будучи средообразователем, он занял ведущее положение в водных и прибрежных экосистемах малых рек. В книге приведены примеры таких изменений для разных групп организмов, но по мере старения бобровых популяций и накоплении новых данных, можно ожидать новых открытий и реакции на деятельность бобров не только отдельных организмов, но и целых сообществ.

Материалы этой книги показывают, что реакция разных групп организмов на деятельность бобров изучена неполно и недостаточно. Подробные данные есть по реакции рыб и водных беспозвоночных, но данных по амфибиям, рептилиям, птицам и мелким млекопитающим на сегодняшний день явно недостаточно.

Собранные воедино результаты наблюдений, выполненных разными исследователями, показывают также недостаточную разработку методик исследований, облегчающих сравнение материалов из разных регионов, и имеющиеся расхождения в терминологии. Дальнейшее развитие горизонтальных связей между коллективами и исследователями разных ООПТ, а также кооперация совместных исследований научных сотрудников заповедников и национальных парков с академическими институтами и вузами – один из путей преодоления этих проблем и углубления наших знаний о ключевых видах экосистем России.

Н.А. Завьялов,
заместитель директора по науке.

Людмила ВЛАСОВА

г. Вышний Волочок

Родилась в 1967 году. В настоящее время живёт в своем родном Вышнем Волочке, но, несмотря на это, бологовцы считают ее своей, потому что долгое время Людмила проработала в Бологое корреспондентом районной газеты «Новая жизнь», ездила на работу за 50 километров на электричке. Сейчас – корреспондент газеты «Вышневолоцкая правда».

Людмила – лауреат областного конкурса молодых поэтов: «Тверская лира – 90», постоянный участник Каблуковских встреч и неоднократно становилась их лауреатом.

Автор трех поэтических книг.

* * *

Рыжие испуганные листья
сорвались с насиженных ветвей.
Их швыряет ветер прямо в лица
равнодушных серых площадей.

Дождь колючий эту стаю гонит –
в небесах не место чужакам!
Мокрые холодные ладони
хлещут по асфальтовым щекам.

* * *

Скажи, провидица, и что тебе там
видится,
в прозрачной глубине людской
души,
горящей, как свеча перед иконами,

стр. 14

«СУДЬБА, ЗАКРОЙЩИЦА МОЯ...»

забитой бытом, бедностью,
законами,
и всё-таки таинственной?
Скажи,
зачем кричишь, что молимся
неправильно –
«Ведь Бог на небе, мы же смотрим
вниз.
Поэтому святые нас оставили...»
Ты за людей, как надо,
помолись.
Но не спасёшь других для
воскресения
от жадности, и зависти, и лжи,
неверия, и просто от сомнения...
Ведь жизни хватит только на
спасение
своей – одной-единственной –
души.

* * *

Судьба, закройщица моя
большого счастья,
прости, портниха и швея,
не огорчайся.
Хоть несомненно ткань была
годна на дело,
и ты старалась, как могла,
но не сумела
скроить и сшить хоть что-нибудь.
И ночью длинной
ты видишь бесконечный путь,
перрон пустынный,
где неприкаянно Мечта
сидит на лавке,
прибрав неведомо куда
твои булавки...

НЕТ НОВОГО

Перебираю подборку – нет нового.
Всё съели издания еженедельные.
Невидимый штампик
«опубликовано»
лишь время сотрёт – со стихами
ль, отдельно ли...

Когда-то останется только имя.
Но если все песни окажутся
спетыми,
поэты должны умирать –
молодыми,
и жить до старости непоэтами.

Вдруг дописавшись до ручки, до
точки,
в сердцах умолкнуть, бумагу
скомкав,
чтобы наследство – знакомый
почерк –
искали в кипе листов потомки.

И, захлебнувшись стихами своими, –
душа из тела, как меч из ножен, –
поэты должны умирать молодыми,
и всё-таки как можно позже.

Кто острой гранью не в гневе
праведном,
а в восхищенье, высокой жалости
черту провёл, тот ещё оставит нам
на вечный выбор – и тут без
зависти!

В угаре ночей, в сигаретном дыме,
неся под сердцем свою тетрадь,
поэты должны умирать молодыми –
или же вовсе не умирать.

* * *

Признайтесь, кто не говорил,
девчонки, никогда, ни разу:
«Мне главное, чтоб он любил...».
Как нам знакома эта фраза.

Он этот крест нести готов,
а мы как зеркала хотели
чужую отражать любовь...
На так ли всё на самом деле?

Пустая жизнь. Слова подруг
и их сочувственные взгляды...
Но скажется когда-то вдруг:
«Моя вина. Моя, не чья-то».

Пусть лучше будет не понять
сердец, навек разъединённых.
Не соглашайтесь заменять
людей любимых – на влюблённых.

* * *

О чём загрустил человек
с огромной авоськой бутылок?
О том, что не вечен, не вечен,
что душно и ломит затылок?
О том, что разъехались дети
и плащ твой помятый и старый?
(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

А может, о том, что соседи
не любят стеклянную тару?
Но ты пережил свои муки
и гибель отдельной вселенной...
Теперь не разжались бы руки
и не подогнулись колени...

ВЕНГЕРСКАЯ СИРЕНЬ

Лето. Жара. Вокзал.
Запах венгерской сирени,
приторный до мигрени,
женщину околдовал.

Ходит вокруг куста,
хочет сорвать на память,
в воду букет поставить –
видимо, неспроста.

Следом за ней июль
ходит на мягких лапах.
Этот пьянящий запах
что-то в ней всколыхнул.

Светлый квадрат двора.
Брошена сумка с хлебом.
Волны сирени с неба,
лето, вокзал, жара...

ЭТЮД «БОЛОГОЕ»

Рисуя в сердце только то, что
видит –
влюблённым, щедрым, деловым,
усталым –
привязан житель тысячами нитей
к обыкновенным городским
кварталам.

Но тот этюд по карте Бологое,
который каждый бологовец пишет,
у вышневолочан в гранитном крое,
в Торжке тончайшим золотом он
вышит...

Твори, твори, художник
увлечённый!
Пусть будет образ твой предельно
точен,
и красками озёрными подчёркнут,
и каждой строчкой.

Подправлен тепловозными
гудками,
небес крылом, берёзовым
покоем...
Настанет миг, и вдруг с картины
глядит
автопортрет на фоне Бологое.

* * *

Пусть бывшее остаётся вдали –
мы идём вперёд и смотрим туда ж.
Вот и старый дом, где дети росли,
третий год уже, как больше не
наш.

Как любила там моя ребятня
ростом мериться в проёме
дверном!
И теснились даты и имена,
процарапанные с гордостью мной.

Норовили дети встать на носки,
чтоб черту повыше вёл карандаш.
А я стены эти и косяки
обменяла на квартирный метраж.

Обменяла и печурку, и дым,
куст сирени, скрип усталых
ворот...
Этот дом мне даже не был родным.
я его не вспоминала, и вот...

Не оглядываюсь в прошлого даль,
и по жизни я иду налегке.
Только если мне чего-то и жаль,
то отметок на дверном косяке.

* * *

И что с того, что молчаливым
снегом
Опять покрылась мерзлая земля?
Весна живет в переплетенье веток,
Когда вблизи глядишь на тополя.

Пусть по ночам луны трехдневной
серпик
Несет мороз декабрьской поры —
Весна живет и эту стужу терпит
Под желтоватой плёночкой коры.

* * *

Птицы устало летят над мостами,
ветер сбивает их, перья ворошит.
Март и апрель поменялись
местами –
чёрные листья прикрыты порошей.
Вместо веселых и радостных
трелей
в сквере слышны лишь унылые
свисты.

Как неудобно на Вербной неделе!
Грязно на улице, в сердце нечисто.

Смутные мысли, неверная
память...
Крупные градины воспоминаний.
Можно ли в жизни хоть что-то
исправить,
если в себе ничего не меняем?

Глупое сердце, расчетливый разум
копят богатства, грехи и обиды.
Тянут весы в обе стороны разом,
но равновесия в мире не видно.

Чаша полна, и весенняя слякоть
льется за ворот, мне перья слепо.
Ну почему же так хочется плакать?
Кончится Вербная. Следом –
Страстная.

* * *

Дождь всё идет. Под ним сирени
и отцвели и порыжели.
Лечусь малиновым вареньем –
все вещи в доме отсырели.

Журчанье, шлепанье и шорох –
ложись да спи. А мне не спится –
и холодно, и на заборах
остались коврики сушиться.

Размеренный и непреклонный
стук капель в банку жестяную...
Водою залит подоконник –
сменила тару не одну я.

Что там течет – наличник, стены?
Я в этом разберусь едва ли.
Всё к счастью комнатных растений –
они здесь тоже постояли.

Пусть хоть на что-нибудь сгодится
вода всемирного потопа...
А то ведь как за ней сходить-то?
И далеко, и неохота.

Не принесла ни дров, ни хлеба.
Сидим в тиши и полумраке,
в сетях дождя, в плену у неба –
я, два кота и две собаки.

Золотой запас

Александр ПУШКИН

(1799 – 1837)

Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опушта, –
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?...
Алина! сжалеться надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Владимир СОЛОУХИН

(1924 – 1997)

Греми, вдохновенная лира,
О том сокровенном звеня,
Что лучшая женщина мира
Три года любила меня.

Она подошла, молодая,
В глаза посмотрела, светла,
И тихо сказала: «Я знаю,
Зачем я к тебе подошла.

Я буду единственной милой,
Отняв, уведя, заслоня...»
О, лучшая женщина мира
Три года любила меня.

Сияли от неба до моря
То золото, то синева,
Леса в листопадном уборе,
Цветущая летом трава.

Мне жизнь кладовые открыла,
Сокровища блещут маня,
Ведь лучшая женщина мира
Три года любила меня.

И время от ласки до ласки
Рекой полноводной текло,
И бремя от сказки до сказки
Нести было не тяжело.

В разгаре обильного пира
Мы пьем, о расплате не мня...
Так лучшая женщина мира
Три года любила меня.

Меня ощущением силы
Всегда наполняла она,

И столько тепла приносила –
Ни ночь, ни зима, не страшна.

– Не бойся, – она говорила, –
Ты самого черного дня... –
Да, лучшая женщина мира
Три года любила меня.

И радость моя и победа
Как перед падением взлет...
Ударили грозы и беды,
Похмелье, увы, настает.

Бреду я понуро и сиро,
Вокруг ни быльи, ни огня...
Но лучшая женщина мира
Три года любила меня!

Не три сумасшедшие ночи,
Не три золотые денька...
Так пусть не бросается в очи
Ни звездочки, ни огонька,

Замкнулась душа, схоронила.
До слова, до жеста храня,
Как лучшая женщина мира
Три года любила меня.

Иван БУНИН

(1870 – 1953)

* * *

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит,-
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.
Знаю я - опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне – обмани меня!